

ИЗУЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ И РЫНКА В РОССИИ. ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

DOI: 10.14515/monitoring.2017.2.12

Правильная ссылка на статью:

Моисеев С. П. Концепты «масса» и «массовое поведение» в работах Б. А. Грушина // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 233—245.

For citation:

Moiseev S. P. The concepts of «mass» and «mass behavior» in the works of B. A. Grushin. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 2. P. 233—245.

С. П. Моисеев КОНЦЕПТЫ «МАССА» И «МАССОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ» В РАБОТАХ Б. А. ГРУШИНА

КОНЦЕПТЫ «МАССА» И «МАССОВОЕ
ПОВЕДЕНИЕ» В РАБОТАХ Б. А. ГРУШИНА

THE CONCEPTS OF «MASS» AND «MASS
BEHAVIOR» IN THE WORKS OF B. A.
GRUSHIN

МОИСЕЕВ Станислав Павлович — магистр социологии, аспирант Факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

*E-MAIL: spmoiseev@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2082-4547*

*Stanislav P. MOISEEV¹ — Master of Sociology, Postgraduate Student
E-MAIL: spmoiseev@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2082-4547*

¹ *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*

Аннотация. Приведен анализ взглядов советского социолога Б. А. Грушина на социальные массы и массовое поведение. Исследование охватывает период с 1967 по 1987 г., в течение которого появились ключевые работы Грушина, посвященные изучению феномена массового сознания и связанных с ним явлений. Основным материалом для проведения анализа служат опубликованные тексты лекций Б. А. Грушина и его научные публикации. В работе также используются

Abstract. The article provides an analysis of concepts of «social mass» and «mass behavior» proposed by the Soviet sociologist B. A. Grushin. The study covers the time from 1967 to 1987 when the key Grushin's works devoted to the mass consciousness and related concepts appeared. The basis of the analysis is Grushin's published lectures and scientific publications. The paper also includes data from studies of the history of Russian sociology, Grushin's and his contemporaries' memories. The

данные исследований по истории отечественной социологии, сохранившиеся воспоминания учёного и его современников. Последовательно рассматриваются предпосылки формирования научных интересов Б. А. Грушина, анализируются его представления о социальных массах и массовом поведении, обсуждаются ограничения и достоинства этих представлений. Автор статьи приходит к выводу о том, что определения, сформулированные советским социологом более 30 лет назад, сохраняют свою актуальность и могут использоваться для того, чтобы развивать современную теорию масс и массового поведения. Важной ценностью концептуализации, предложенной Грушиным, является то, что она создала возможность для объединения наработок его западных и отечественных предшественников.

Ключевые слова: масса, массовое поведение, история социологии, советская социология, теоретическая социология, Б. А. Грушин

author discusses factors that influenced Grushin's scientific interests, analyzes his views of «mass» and «mass behavior» as well as their strengths and limitations. To conclude, the author states that the notions proposed by the sociologist thirty years ago are still relevant and can be used to develop the modern theory of «mass» and «mass consciousness». An essential feature of Grushin's concept is that it makes it possible to combine ideas of his Western and domestic predecessors.

Key words: mass, mass behavior, history of sociology, Soviet sociology, theoretical sociology, B. A. Grushin

В последнее десятилетие в зарубежной социальной теории наблюдается возрождение интереса к социологии толп и семейству понятий, пригодных для изучения «коллективностей», которые не могут быть описаны на языке социальных групп, коллективов и организаций¹. Отдельные авторы пытаются найти новое применение традиционному терминологическому аппарату и ищут возможности по ре-концептуализации понятия «толпа» [Baker, 2012; Olofsson, 2010; Russ, 2007; Stage, 2013], а также подчеркивают необходимость постановки вопроса о соотношении таких понятий, как «масса», «сеть», «рой», «множество» с классической «семантикой толп», поиска их особенностей и различий [Borch, Kundsén, 2013: 110—111]. Эти факты указывают на актуальность задачи по уточнению определений и эвристического потенциала понятий «масса» и «массовое поведение».

Развитие научных представлений о социальных массах и массовом поведении требует обращения к традиции изучения массовых явлений. На Западе эта традиция активно развивалась, начиная конца XIX в. К основным зарубежным

¹ Одним из поводов для начала концептуальных поисков стало появление Интернета и ряда явлений, которые развились вслед за ним (онлайн-сообщества, социальные сети, социальные медиа и т. п.).

авторам, которые работали в этой тематике, традиционно относят Г. Лебона, Г. Тарда, З. Фрейда, Х. Ортега-и-Гассета, С. Московичи и Э. Канетти. Однако она практически оборвалась около 40 лет назад в связи с критикой адекватности и эвристического потенциала теорий массового общества со стороны таких авторитетных представителей исследовательского сообщества, как Дэниэл Белл и Эдвард Шилз и других авторов [Lang, Lang, 2009: 1001]. В результате, понятия «масса», «массовое сознание» и «массовое поведение» практически исчезли из публикаций американских и европейских исследователей, сохранив репутацию неоднозначных и бесперспективных концептов. Единственным пространством для дискуссии, в рамках которого разговор об этих понятиях по-прежнему сохранил свою актуальность, стали работы социальных исследователей из СССР и, позже, стран СНГ.

Среди отечественных авторов, занимавшихся изучением социальных масс, можно выделить ряд ключевых имен², однако особый вклад в развитие этого направления в период становления социологии в СССР внёс Борис Андреевич Грушин. По нашему мнению, его важной заслугой является то, что он увидел и обозначил ключевую проблему, которая помешала адекватному развитию научных представлений о массах и массовом сознании на Западе — их жесткую «связь с различными концепциями «массового общества», которые он назвал «типичнейшими образчиками современных science fiction (научных вымыслов)» [Грушин, 1987: 12]. Благодаря своей внешней позиции по отношению к западной традиции он смог провести подробный социально-философский анализ таких явлений, как масса и массовое сознание, предложил их определения и провел ряд эмпирических исследований, посвященных изучению природы, структуры и содержания массового сознания.

Несмотря на такой основательный «задел», в российской социологии не сформировалось целостного научного направления изучения масс, массового сознания и массовых явлений. В существующем корпусе публикаций, авторы которых ссылаются на релевантные работы Грушина³, чаще всего можно встретить лишь упоминания о нем как об «исследователе массового сознания», «авторе строгих научных дефиниций (масс, авт.)» и т.п. Авторы редко проводят систематический анализ его представлений, вступают с ним в аргументированную полемику и работают над тем, чтобы развить его взгляды⁴. Кроме того, современные отсылки к Грушину уделяют большее внимание его представлениям о массовом сознании, в то время как грушинская концептуализация понятия «масса» оказывается в стороне.

Цель статьи заключается в анализе взглядов Грушина на социальные массы и массовое поведение в период с 1967 по 1987 г. и выявлении недостатков

² Хевеши М. А., Ольшанский Д. В., Назаретян А. П. и др.

³ Имеются в виду работы Грушина по теме сознания (в т.ч. массового, общественного), массовой информации, массового поведения.

⁴ В работах Анниковой В. А., Чернова Г. Ю., Марченя П. П., Прохорова Е. П. Грушин скорее упоминается в связи с темами, которые они рассматривают, т.е. его взгляды обозреваются, но не анализируются как самостоятельный предмет [Аникова, 2007; Марченя, 2012; Прохоров, 2006; Чернов, 2009]. Публикации данных авторов выбраны в качестве примеров среди работ, найденных через поиск цитирований на ресурсе eLibrary.ru и через поисковый сервис Google Scholar.

и достоинств его подхода. В качестве материалов для анализа взглядов Грушина на социальные массы и массовое поведение в работе используются публикации Грушина в журнале «Вопросы философии» [Грушин, 1970а, б], его книга «Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования» [Грушин, 1987], воспоминания Грушина [Грушин, 1999], а также его лекции и статьи, опубликованные в третьем томе серии книг «Открывая Грушина» [Грушин, 2012а; Грушин, 2012б]. Основная часть перечисленных публикаций относится к периоду, когда Грушин формировал свою теоретическую концепцию (1967—1975 гг.), а книга, в которой была собрана большая часть его работ, издана в 1987 г.

Надеемся, эта статья сможет дополнить содержание публикаций и докладов последних лет, посвященных осмыслению творчества Грушина, и укажет на то, как его концептуализация масс может быть использована для развития современной теории массового поведения.

Предпосылки формирования научных интересов Грушина

Б. А. Грушин — один из первых представителей нового поколения социологов, сформировавшегося в СССР после периода «деинституционализации» социологии 1930—1940-х гг. — времени, когда наука об обществе не была запрещена официально, однако занимала непростую периферийную позицию. Контекст, в котором приходилось работать Грушину и другим советским социологам, постоянно менялся, периоды либерализации и «ренессанса» сменялись годами «серости» и застоя. Тем не менее, мы постараемся максимально описать его общие черты, которые отмечаются как значимые исследователями истории советской социологии⁵.

С одной стороны, послевоенная советская социология формировалась с учетом и под влиянием теоретических и методологических работ западных исследователей. Первоначальное знакомство советских специалистов с зарубежной наукой состоялось в рамках направления исследований, которое получило название «критика буржуазной социологии» — «новые» социологи читали, переводили и подробно разбирали работы западных коллег, которые подвергались критическому анализу с позиции марксистской социологии. С конца 1950-х годов в СССР начали приезжать ведущие зарубежные ученые, в то время как советские исследователи командировались в США и некоторые европейские страны для участия в конгрессах, обмена опытом, прохождения стажировок и т. п. [Зборовский, 2007: 561]. Несмотря на то, что многие из таких «внешних» шагов являлись фикцией, т. е. преследовали политические, а не научные цели, они помогли советским социологам познакомиться с актуальной исследовательской повесткой.

С другой стороны, советская социология развивалась по своему особому пути — в первую очередь это было связано с тем, что вплоть до конца 1980-х гг. наука об обществе существовала в рамках философии исторического материализма. Дискуссия о соотношении «истмата» и социологии шла в течение 30 лет, на протяжении которых «в качестве компромисса за социологией признали право на теории среднего уровня и обязанность обслуживать эти теории, не ставя под

⁵ В ходе подготовки данной статьи автор опирался на результаты исторических исследований Г. С. Батыгина и И. Ф. Девятко, Б. М. Фирсова, Г. Е. Зборовского, Б. З. Докторов [Батыгин, Девятко, 1994; Докторов, 2014; Зборовский, 2007; Фирсов, 2012].

сомнение макротеоретические взгляды на общество, продиктованные доктринальным истматом» [Фирсов, 2012: 46]. Специфический облик советской социологии также определялся уникальными особенностями советской жизни, которые требовали разработки особых подходов, как с точки зрения теории, так и с точки зрения методологии социологических исследований.

Интеллектуальный стиль исследовательских проектов советских исследователей задавался формальной и содержательной связью между социологией и философией. Как позже отметил Ядов, «мы (социологи, авт.) умели спокойно — с помощью некоторого социологического воображения — не только видеть то, что перед нами на столе, но и немножко пофилософствовать. Это очень продуктивный метод и способ анализа — попытка домысливания, широкого социально-философского взгляда на проблемы» [Пугачева, 1994]. Вместе с тем, социология в СССР была междисциплинарной: первые несколько поколений специалистов не имели возможности получить базовое профессионально образование и приходили в «новую» науку из различных дисциплин: философии, психологии, математики и др.

Описанные особенности советской социологии стали широкими предпосылками, оказавшими влияние на форму и содержание теории массового сознания, которую разрабатывал Грушин. В более узком смысле его интерес оказался предопределен практическими задачами, связанными с проведением опросов общественного мнения. Согласно воспоминаниям самого Грушина, он не мог объяснить некоторые противоречия в получаемых им опросных данных. Работая с материалами одного из опросов Института общественного мнения «Комсомольской правды» (1964 г.), он обратил внимание на то, что представители различных, не пересекающихся друг с другом социальных групп, дают сходные ответы на открытые вопросы. «Каким образом пятеро столь различных людей — по возрасту, образованию, роду занятий, месту жительства — людей, которые, конечно же, никогда не видели друг друга и тем более никогда не общались друг с другом, обнаружили один и тот же (...) тип сознания?» [Грушин, 1987: 19—21]. Начиная с этого момента, все его исследовательские проекты в той или иной степени были посвящены изучению проблематики массового сознания.

Занимаясь такой широкой темой и осознавая себя в качестве одного из первопроходцев в сфере исследования массового сознания⁶, Грушин уделял большое внимание смежным вопросам, а именно: определению *массы* и форм *массового поведения*. В частности, в публикации 1970 г., ставшей своеобразным введением к его многолетнему исследовательскому проекту, он разобрал феномены массы и массового поведения значительно подробнее, чем собственно массовое сознание, хотя на тот момент уже имел достаточно проработанные представления о его природе⁷. В первую очередь, это было связано с тем, что он не мог предложить своему читателю концепцию массового сознания в отрыве от описания его носителя и производной. Кроме того, Грушин опирался на западные работы,

⁶ Во введении к своей книге «Массовое сознание: опыт определения и проблемы исследования» Грушин делает оговорку о том, что это «...первая работа, специально, целиком посвященная анализу сущности массового сознания...» (курсив авт.) [Грушин, 1987: 23].

⁷ Речь идет о публикации «Логические принципы изучения массового сознания», которой предшествовала разработка лекций для студентов Факультета журналистики МГУ (1967 г.) — в них Грушин подробно анализировал феномен массового сознания в его связи с общественным и индивидуальным сознанием [Грушин, 1970а, б; Грушин, 1987].

посвященные критике теорий массового общества, и должен был показать, что понятие «масса» можно определить и продуктивно использовать в социологических исследованиях, которые выходят за их пределы.

Определение масс и массового поведения в работах Грушина

Сложность определения социальной «массы», с которой работал Грушин, заключалась не только в «искаженном» представлении данного концепта в буржуазной социологии: он стремился обозначить отличия своей позиции от трактовки, предлагаемой в марксистской философии. Впервые он обозначил эту установку в лекциях, которые читал на факультете журналистики в МГУ в 1967 г. В них Грушин подчеркивал, что в традиционной марксистской философии к (народным) массам приравнивается совокупность всех трудящихся членов общества, выделяемых по объективным признакам. «Это народ, это трудящиеся классы, это часть общества, которая определяется по негативному признаку — в отношении к немассе»⁸ [Грушин, 2012б: 283]. Его собственная исследовательская позиция предполагала иной подход: он полагал, что массу нельзя выделять по объективным критериям, и, следовательно, это тип социальной общности, который неправильно приравнивать к классу или любой другой «классической» социальной группе.

Разрабатывая свою концепцию массы, Грушин также хотел показать, что «масса» не является оценочной категорией, которая характеризует народные низы, людей, которые являются носителями низкой культуры и противопоставляется «элите» [Грушин, 2012б: 294]. В соответствии со взглядами некоторых западных исследователей [Blumer, 1935; Bonner, 1953: 383], он полагал, что принадлежность к массе никак не связана с престижностью положения или социальным статусом, а определяется под влиянием иных, часто случайных факторов.

Работая в рамках заданных границ между пониманием масс в марксизме и теории массовых коммуникаций, Грушин подходил к собственному определению «массы» с разных позиций. Самые ранние из найденных нами дефиниций определяли массу через присущее ей сознание, деятельность или поведение, например:

- масса — носитель сознания определенного типа [Грушин, 2012б: 282];
- «...массой будет множество членов общества, объединенных общим реальным процессом, а, следовательно, и условиями деятельности»⁹ [Грушин, 2012б: 289];
- масса — это «любое множество субъектов, ведущих себя тем или иным образом относительно одного и того же W (объекта, авт.)» [Грушин, 2012а: 372].

В работе «Массовое сознание: проблемы определения и опыт исследования», которая стала его *magnum opus*, посвященным этой теме, Грушин постарался сформулировать определение массы, свободное от отсылок к другим понятиям,

⁸ В опубликованных лекциях не приведены конкретные источники, которые Грушин относил к традиционной марксистской философии. Описывая свою концепцию более обстоятельно двадцатью годами позже, он ссылался на В. И. Ленина, который, по мнению Грушина, также иногда использовал понятие «масса» в особом значении: говоря об общностях, которые объединяют представителей различных социальных слоев и классов («трудящаяся масса», «масса рабочих и крестьян») или в отношении общностей, включающих в себя представителей отдельных классов и социальных слоев («рабочая масса») [см. Грушин, 1987: 221—223].

⁹ Стоит отметить, что определение массы через общую деятельность восходит к идее о том, что в основе формирования масс в современных обществах лежит процесс массовизации [см. подробнее — Грушин, 1987; Грушин, 2012б].

которые требуют дополнительных пояснений и должны быть включены в концептуализацию массового сознания. Для этого ему потребовалось провести разграничение между массой и классическими социальными группами, а также рассмотреть ряд отличительных свойств, которые могли использоваться для того, чтобы выделить необходимые и достаточные признаки массы [Грушин, 1987: 205—252].

В результате он предложил определить массы «как ситуативно возникающие (существующие) общности, вероятностные по своей природе, гетерогенные по составу и статистические по формам выражения (функционирования)» [Грушин, 1987: 234—235]. Каждый из введенных атрибутов имеет важное значение для понимания позиции автора, поэтому их необходимо пояснить отдельно [далее по Грушин, 1987: 212—224].

Ситуативность массы заключается в том, что этот тип социальной общности привязан к определенному виду поведения и не может существовать за его пределами. Так, телезрители могут составлять массу, поскольку в данный момент они смотрят данную передачу. Этот атрибут, отмечает Грушин, отделяет массу от классических групп, существование которых обычно связано с вовлечением в различные виды деятельности и имеет другие значимые основания.

Вероятностная природа массы трактуется Грушиным в математическом смысле — вводя этот атрибут, он имеет в виду размытость и неопределенность ее состава. С некоторыми оговорками он утверждает, что в случае анализа той или иной массы людей, сложно понять, каковы ее реальные качественные и количественные границы.

Гетерогенность состава указывает на то, что масса может состоять из разнородных индивидов, которые отличаются друг от друга с точки зрения социально-демографических, классовых и иных характеристик. В очередной раз поясняя отличие массы от классических социальных групп, Грушин говорит о том, что в целом «масса ... во всех случаях менее гомогенна, нежели любые группы» [см. Грушин, 1987: 224].

Наконец, *статистический* характер массы означает, что она состоит из простой суммы индивидов и не имеет никаких эмерджентных свойств, которые возникают на этом фоне.

Предлагая подобное определение, Грушин сформулировал решение, в корне отличающееся от того, что делали его предшественники в XIX—XX вв. Известно, что в западной литературе доминировали три широкие содержательные интерпретации «массы», развивавшиеся в контексте исследований толп, аудитории средств массовой коммуникации и социальных общностей, формировавшихся в тоталитарных и демократических «современных» западных обществах. Группа людей, находящихся в ситуации физического соприсутствия; гомогенная общность зрителей, слушателей, читателей из разных социокультурных слоев; однородное объединение членов современного общества [Моисеев, 2016]. Позиция советского исследователя заключалась в том, чтобы подчеркнуть только общие атрибуты массы, характерные для различных проявлений этого феномена: толп, аудиторий СМИ, носителей определенного общественного мнения, поклонников и болельщиков и т. п. [Грушин, 1987: 168]. Таким образом, он смог сформулировать «зонтичное» понятие, включившее в себя ряд конкретных явлений, с которыми

до него работали различные группы исследователей. Это позволило учёному поднаться над некоторыми противоречиями и рассматривать их в рамках уточнений к своему определению [Грушин, 1987: 234—244]. Например, он принял допущение о возможности взаимодействия между отдельными членами массы, которое оказывается истинным для толп и других форм «контактных» сборищ и, напротив, ложным для аудиторий СМИ. При этом Грушин занимал выраженную *реалистическую* позицию, т. е. относился к массам, классам и пр. как к объективно существующим социальным общностям.

Эти социальные общности проявляли себя через различное поведение, которое Грушин также описал в достаточно полном и строгом виде. Стоит сказать, что Грушин в целом излагал свои соображения особым образом — свободное, образное повествование сочеталось у него со стремлением к формализации научного языка: везде, где мог, он старался выражать свои определения через формулы, подобно тому, как это происходит в литературе по естественным наукам.

Таким образом, он определил массовое поведение как акт направленного поведения (\rightarrow) массы людей (M) по отношению к определенному объекту (W):

$$M \rightarrow W$$

В соответствии со своим утверждением о «статистическом» характере самой массы, советский исследователь видел в массовом поведении простую сумму элементарных актов поведения или, как писал Гербет Блумер, «пересечение индивидуальных линий действий» [Blumer, 1935].

Среди объектов, на которые может быть направлено массовое поведение, Грушин перечислил саму массу; отдельные личности; знания, ценности, традиции и др.; продукты материального или духовного производства, а также организации и учреждения, т. е. предельно расширил его границы. Поясняя свою позицию, он приводил примеры, которые нельзя отнести к классическим проявлениям массового поведения, например, «взаимоотношения людей в быту», «борьбу рабочих и служащих промышленности за повышение рентабельности производства» и пр. [Грушин, 1970а: 48—53].

Решая вопрос об обособлении массового поведения от поведения индивидов и групп (коллективов), Грушин сформулировал ряд тезисов, которые раскрывают его позицию в отношении природы и механизмов массового поведения. Он считал, что индивидуальное поведение по своим причинам или предпосылкам гораздо богаче коллективного, т. к. во многом обуславливается особенностями уникального человеческого сознания. Т. е. коллективное поведение, несмотря на сложность, связанную с числом вовлеченных участников, всегда обусловлено более простыми факторами, которые имеют социальную природу. В свою очередь, массовое поведение отличается от коллективного поведения неупорядоченностью и неорганизованностью. Развивая этот тезис, Грушин говорит, что у участника массового поведения всегда есть свобода выбора «на рациональном, иррациональном, осознанном и неосознанном уровнях» [Грушин, 2012а: 370]. В то же время он вводит достаточно радикальный тезис о том, что поведение массы определяется ее ключевым атрибутом — массовым сознанием. Учёный приходит к нему, отталкиваясь от трехчленной формулы «деятельность ← механизм сознания, при-

водящий к данной деятельности—субъекта деятельности, определяющие данный механизм сознания», в которой содержание ее третьего элемента определяется как «базовые» ... характеристики самого сознания индивида» [Грушин, 1970б: 94].

Чтобы конкретизировать свое общее видение массового поведения, Грушин подробно описал его элементы, формы и содержательные характеристики [Грушин, 1970а: 52—53]. Как и в случае с определением массы, он стремился задать систему координат, показать границы и точки приложения усилия для проведения дальнейших исследований массового поведения, чтобы самому заняться предметом, который интересовал его в большей степени — массовым сознанием.

Ограничения и потенциал подхода Грушина

Начиная разговор о возможностях и ограничениях подхода Грушина, нельзя обойти вниманием статью академика А. Д. Александрова «В защиту социологии» [Александров, 1972]. В ней «погромно» критикуются грушинские «Логические принципы исследования массового сознания»¹⁰. Тезис Александрова состоит в том, что Грушин не проясняет и не комментирует свою формулу «совокупного поведения массы», сущность которой сводится к тому, что оно «слагается из актов поведения образующих эту массу людей». Такое положение дел выглядит неоднозначно, так как в этой же статье Грушин указывает, что главным определяющим фактором массового поведения является наличие *общего сознания* у всех, составляющих конкретную массу, индивидов — не должно ли поведение массы в этом контексте являться чем-то большим?¹¹ В дополнение к этому Александров упрекнул своего коллегу в том, что он существенно упростил схему влияния сознания на поведение и исключил из нее внешние объективные условия, которые на практике всегда играют определенную роль¹².

Если подойти к рассмотрению концепции Грушина более предметно и проанализировать его научную работу с точки зрения поля исследований масс и массового поведения, можно расширить перечень ограничений его подхода и, напротив, обозначить ряд открывающихся перспектив.

Одним из ограничений является отсутствие четких границ между коллективным действием и массовым поведением, которые сам Грушин хотел обозначить максимально строго. Он разделил эти явления на концептуальном уровне, однако не был столь же последователен в используемых примерах. В частности, он причислял к массовому поведению случаи «участия масс в общественных кампаниях», о чем говорил на страницах своих статей и в книге [Грушин, 1970а: 48; Грушин, 1987: 162]. С практической точки зрения и с позиции социальной теории, вовлечение

¹⁰ Критика Александрова оказала значительное влияние на профессиональную карьеру Грушина: после выхода этой публикации работы Грушина было запрещено цитировать, фактически он попал в «черный список» советских социальных исследователей. Согласно сохранившимся воспоминаниям Грушина, мотивация критики Александрова имела внаучный характер — она стала своеобразным ответом Грушину, который ранее выступил в защиту Юрия Левады [Грушин, 1999]. Кроме того, существенная часть его комментариев была посвящена трактовке и интерпретации принципов марксистско-ленинской философии Грушиным и его нежеланию дать определение заявленному предмету исследования, т. е. скорее была не содержательной, а формальной.

¹¹ Этот вопрос сформулирован нами как следствие недочета в работе Грушина, на который указал Александров.

¹² Необходимо отметить, что Грушин так и не дал ответы на вопросы, поставленные Александровым, — возможно это связано с обстоятельствами появления этой статьи и ее последствиями или с тем, что большинство замечаний касались проблематики, имевшей для Грушина второстепенное значение.

масс в общественные движения можно рассматривать и как организованное социальное действие. Исследователи, в том числе Герберт Блумер, на работы которого ссылается Грушин, начали разделять массовое поведение и организованные общественные движения еще в середине XX в., и с течением времени эта позиция только усиливалась [Blumer, 1949: 167; West, 2013: 153—172]. Точка зрения Грушина может быть справедлива для некоторых примеров и в определенных условиях, однако сам он не делает соответствующих оговорок. Приведенный пример можно дополнить другими случаями, но все они будут сводиться к тезису о том, что некоторые социальные общности, которые причислялись автором к «массе», на практике могут существовать в форме классических социальных групп, создавая противоречия для концепции Грушина.

Еще один недостаток подхода Грушина состоит в том, что его представления о сознании как определяющем факторе массового поведения, так и не получили должной проработки. Грушин достаточно подробно разбирает поведение и сознание масс как таковые, однако уделяет крайне мало внимания вопросу, как именно массовое сознание влияет на поведение отдельного члена массы. Кроме того, он не проясняет действие механизмов, подобных феноменам заражения, внушения и подражания, которые описывались классиками социологии толп и с различных позиций обсуждаются в современной литературе [Sampson, 2012; Turner, 2007]. По неясным причинам он рассматривает эти механизмы как часть сознательной деятельности человека. Так, описывая традиционные исследования толп, он подчеркивает, что «...много продуктивных суждений было высказано по поводу конкретных механизмов сознания, действующих в рамках толпы, в частности, связанных с явлениями подражания, заражения, внушения и т. д. (курсив авт.)» [Грушин, 1987: 161].

Важно отметить, что наличие или отсутствие подобных внутренних недоработок и противоречий не является признаком, по которому читатель может различать «хорошую» и «плохую» теорию — практически все известные социальные исследователи опускали некоторые детали и не раскрывали темы, важные с точки зрения их интерпретаторов; многих из них нельзя назвать систематическими теоретиками. Далее нам хотелось бы перейти от описания ограничений к обозначению некоторых перспектив его подхода.

Главная из них заключается в том, что общие определения, предложенные советским социологом более 30 лет назад, сохраняют свою актуальность и могут использоваться для того, чтобы развивать современную теорию масс и массового поведения. На их основе можно сформулировать концептуализацию, которая будет непротиворечиво обобщать современные наработки в области исследований явлений вирусного распространения информации, аффективного заражения, а также поможет определить «массу» в ряду понятий, которые также используются для описания различных социальных общностей в онлайн и офлайн среде.

Кроме того, исследовательский проект Грушина является примером исследования массового поведения и сознания на эмпирическом и теоретическом уровнях. Конечно, Грушин основывался на спорном допущении о том, что «функционирование общественного мнения ... представляет собой ... частный случай массового поведения» [Грушин, 1970б: 91], однако, опираясь на него, он сумел

разработать методологию изучения текстов массового сознания, которую описал на концептуальном уровне. Современные исследования должны продолжать начатую традицию, разрабатывая не только теорию, но и методологию исследования массового поведения.

Заключение

Если попытаться взглянуть на проект Грушина с максимально общей перспективы и представить себе его главное достоинство, им, скорее всего, станет смелость, проявляющаяся на разных этапах и уровнях — от самой постановки проблемы до предложенной логики объяснения массового поведения. Его проект в самом начале предполагал развитие теории и движение за пределы моделей исторического материализма. Возможно, именно поэтому во введении к книге «Массовое сознание...» он привел цитату Ленина, который призывал социалистов «двигаться дальше по всем направлениям, если они не хотят отстать от жизни» [Грушин, 1987: 23].

Стоит отметить, что Грушин сумел правильно поставить ряд исследовательских проблем, последовательное решение которых позволило ему добиться представленных результатов. Конечно, подходя к анализу его работы максимально строго, можно сказать, что он не разрешал существовавшие противоречия, т. к. по собственному решению начал свою работу «с чистого листа». Однако он сумел предложить концептуализацию, которая создала возможность для объединения наработок его западных и отечественных предшественников.

Список литературы (References)

Александров А. Д. В защиту социологии: По поводу одной публикации // Вестник АН СССР. 1972. № 72. С. 55—65. [Aleksandrov A. D. (1972) In defense of sociology: Concerning one publication. Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR. No 72. P. 55—65].

Анникова В. А. Общественное мнение как фактор формирования массового политического сознания // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2007. № 4. С. 53—65. [Annikova V. A. (2007) Public opinion as a factor of forming mass political consciousness. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series, Political science. No 4. P. 53—65. (In Russ.)].

Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Социология и власть: эпизоды советской истории // Тоталитаризм и посттоталитаризм (Статьи и подготовительные материалы). Кн. 2. М.: ИС РАН, 1994. С. 174—201. [Batyigin G. S., Devyatko I. F. (1994) Sociology and power: episodes of Soviet history. *Totalitarianism and post-totalitarianism (Articles and preparatory materials)*. Moscow: IP RAS, P. 174—201. (In Russ.)].

Грушин Б. А. Логические принципы исследования массового сознания // Вопросы философии. 1970а. № 7. С. 43—53. [Grushin B. A. (1970a) Logical principles of the study of mass consciousness. *Questions of philosophy*. No 7. P. 43—53. (In Russ.)].

Грушин Б. А. Логические принципы исследования массового сознания // Вопросы философии. 1970б. № 8. С. 91—99. [Grushin B. A. (1970b) Logical principles of mass consciousness studies. *Questions of philosophy*. No 8. P. 91—99. (In Russ.)].

Грушин Б. А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М. : Политиздат, 1987. [Grushin B. A. (1987) *Collective consciousness: defining experience and research problems*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)].

Грушин Б. А. Горький вкус невостребованности / Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин ; ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. СПб. : Русский христианский гуманитарный институт, 1999. С. 205-235. [Grushin B. A. (1999) *A bitter taste of the unclaim*] In: G. S. *Batygin (ed.) Russian sociology of the 1960s*. St Petersburg: Izd-vo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo institute. P. 205—235. (In Russ.)].

Грушин Б. А. Массовое сознание и массовое поведение / Открывая Грушина. Том 3. / ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М. : Издательство Московского университета, 2012а. С. 367—381. [Grushin B. A. (2012а) *Mass consciousness and mass behavior*. In: M. E. *Anikin, V. M. Hrul' (ed.) Opening Grushin*. 3367—381. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.)].

Грушин Б. А. Проблемы социологии средств массовой коммуникации / Открывая Грушина. Том 3. / ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М. : Издательство Московского университета, 2012б. С. 513—549. [Grushin B. A. (2012б) *The problems of sociology of mass communication*. In: M. E. *Anikin, V. M. Hrul' (ed.) Opening Grushin*. Vol. 3. P. 513—549. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.)].

Докторов Б. З. Все мы вышли из грушинской «шинели». К 85-летию со дня рождения Б. А. Грушина. М. : Радуга, 2014. [Doktorov B. Z. (2014) *All We Are Come from Grushin's «overcoat»*. 85th anniversary of the Birth of B. A. Grushin. Moscow: Raduga. (In Russ.)].

Зборовский Г. Е. История социологии: учебник. М. : Гардарики, 2007. [Zborovskij G. E. (2007) *History of sociology: textbook*. Moscow: Gardariki. (In Russ.)].

Марченя П. П. О полидисциплинарном подходе к изучению места и роли масс в истории [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. Гражданское общество в России. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/March_o_polid.pdf (дата обращения: 19.02.2017). [Marchenya P. P. About polydisciplinary approach to study of place and role of mass in history. Scientific electronic library. Civil society in Russia. Available at: http://www.civisbook.ru/files/File/March_o_polid.pdf (accessed 19.02.2017). (In Russ.)].

Моисеев С. П. «Реабилитация» понятия «масса» в социальных науках: поиск обобщающего определения // Социология: 4М. 2016. № 42. С. 61—83. [Moiseev S. P. (2016) «Rehabilitation» of the concept of «mass» in the social sciences: the search for a general definition. *Sociology: 4M*. No 42. P. 61—83. (In Russ.)].

Прохоров Е. П. Массовое сознание как предмет социологического исследования // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2006. № 1. С. 30—46. [Prokhorov E. P. (2006) *Mass consciousness as a subject of sociological research*. *Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism*. No 1. P. 30—46. (In Russ.)].

Пугачева М. Г. Российская социологическая традиция 1960-х годов и современность. Научный симпозиум в Институте социологии РАН // Социологический жур-

нал. 1994. № 4. С. 205—207. [Pugacheva M. G. (1994) Russian sociological tradition of the 1960s and the present. Scientific Symposium at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Science. *Sociological journal*. No4. P. 205—207. (In Russ.)].

Фирсов Б. М. История советской социологии: 1950—1980-е годы. Очерки [учебное пособие] / Борис Фирсов. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. [Firsov B. M. (2012) The history of Soviet sociology: 1950—1980s. In: Boris Firsov (ed.) St Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)].

Чернов Г. Ю. К вопросу о постмодернистском подходе к социально-массовым явлениям // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. Вып. 13. 2009. № 29 (167). С. 37—43. [Chernov G. Yu. (2009) The question of the postmodern approach to social-mass phenomena. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philosophy. Sociology. Culturology*. No 29 (167). P. 37—43.] (In Russ.)].

Baker S. A. (2012) From the criminal crowd to the «mediated crowd»: the impact of social media on the 2011 English riots. *Safer Communities*. Vol. 11. No. 1. P. 40—49.

Blumer H. (1935). Moulding of Mass Behavior Through the Motion Picture. In: *Publications of the American Sociological Society*. No 29. P. 115—127.

Blumer G. (1949) Part Four: Collective Behavior. In: *New outline of the principles of sociology*. Ed by Lee A. Mc., Introd. by Samuel Smith. New York, Barnes & Noble. P. 167—224.

Bonner H. (1953) *Social Psychology: An Interdisciplinary Approach*. New York, American Book Co.

Borch C., Knudsen B. T. (2013) Postmodern crowds: re-inventing crowd thinking. *Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory*. Vol. 14. No. 2. P. 109—113.

Lang K., Lang G. (2009) Mass Society, Mass Culture, and Mass Communication: The Meaning of Mass. *International Journal of Communication*. No. 3. P. 998—1024.

Russ C. (2007) Online Crowds-Extraordinary mass behavior on the Internet. *Proceedings of i-Media*. Vol. 7. P. 65—76.

Olofsson J. K. (2010) Mass Movements in Computer-Mediated Environments. *Information, Communication & Society*. Vol. 13. No. 5. P. 765—784.

Sampson T. D. (2012) *Virality: Contagion Theory in the Age of Networks*. Minneapolis: University of Minnesota Press. Retrieved December 17, 2015.

Stage C. (2013) The online crowd: a contradiction in terms? On the potentials of Gustave Le Bon's crowd psychology in an analysis of affective blogging. *Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory*. Vol. 14. No. 2. P. 211—226.

Turner S. (2007) Social Theory as a Cognitive Neuroscience. *European Journal of Social Theory*. Vol. 10. No. 3. P. 357—374.

West D. (2013) *Social Movements in Global Politics*. Cambridge: Polity Press.